

В. Е. Ключко

СМЫСЛОВАЯ ТЕОРИЯ МЫШЛЕНИЯ В ТРАНССПЕКТИВЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Смысловая теория мышления О.К. Тихомирова рассматривается в статье как эпистемологический феномен, уникальность которого заключается в том, что в своем развитии теория смогла последовательно ассимилировать все три идеала рациональности, т.е. подняться от классического мышления к неклассическому, а от него к постнеклассическому. Утверждается, что применение трансспективного анализа позволяет на примере становления конкретной теории объективировать источники, обуславливающие «парадигмальные сдвиги» в психологической науке, их сопряженность с объективными тенденциями развития научного познания. На конкретных примерах показано, каким образом теория вынужденно фальсифицирует себя, производя факты, объяснение которых предполагает необходимость выхода теории на новый уровень своей системной организации. Соответственно возрастает и уровень системности профессионально-психологического мышления.

Ключевые слова: типы научной рациональности, трансспективный анализ, саморазвитие научной теории, самоорганизация в психологических системах, тенденции развития науки, уровни теоретического мышления, парадигмальный сдвиг.

Цель данной статьи — объективация тех методологических установок, которые привели автора к заключению, что смысловая теория мышления (СТМ) О.К. Тихомирова демонстрирует образец постнеклассического мышления (Ключко, 2003). И для эпистемологии и для психологии чрезвычайно важны примеры того, каким образом эволюционирует научная теория, поднимаясь на более высокие уровни системного определения предмета исследования. Поэтому мы начнем с того, что может дать эпистемологический анализ СТМ для философии научного познания, а потом перейдем к вопросам о «методологических корнях», которые позволили СТМ последовательно ассимилировать идеалы всех трех типов рациональности, выделенных в эпистемологии. После этого обсудим, почему (и каким именно образом) происходит в психологии смена уровней системного видения психологической реальности, используя эволюцию СТМ в качестве примера.

СТМ как предмет эпистемологического анализа

СТМ О.К. Тихомирова представляет собой уникальный феномен: трудно сразу назвать какую-либо другую теорию, сумевшую в процессе своего становления (с середины 1960-х гг. по сей день) последовательно освоить все три идеала рациональности, т.е. подняться от *классического* мышления к *неклассическому*, а от него — к *постнеклассическому*.

Для эпистемологии такой феномен значителен не только как очередное подтверждение идеи о закономерной смене идеалов рациональности в процессе движения научного познания, но и как демонстрация того, *как именно* происходит «процесс перерождения научной ткани» (Л.С. Выготский) в конкретной теории. Объективация этого процесса позволит, наконец, получить ответ на вопрос автора концепции парадигмального развития науки Т. Куна (1997): почему наука — самый бесспорный пример полноценного познания — развивается так, а не иначе?

С ответом на этот вопрос, заданный полвека назад, но продолжающий оставаться актуальным и для современной философии науки, связана возможность разрешения и другого вопроса: как эмпирический факт может фальсифицировать научную теорию, которой он обязан своим происхождением?

Заметим, что теорию опровергает не другая теория, которая предлагает иную интерпретацию этого же факта, более тонко его понимает, описывает или объясняет. Все дело в том, что разные теории с «одним и тем же фактом» не встречаются. Раньше других это понял Л.С. Выготский: «...факты, добытые при помощи разных познавательных принципов, суть именно *разные* факты» (1982, с. 353). Следовательно, наука развивается не в борьбе теорий за лучшее объяснение фактов. Это коренным образом меняет представление о механизмах эволюции науки: практически вся неклассическая эпистемология построена на дарвинистском понимании эволюции, перенесенном на чуждое для него предметное поле. К. Поппер прямо указывает, что эволюция научного знания «представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших и лучших теорий. Это — дарвинистский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору» (Popper, 1984).

Обобщая, можно сказать, что неклассическая эпистемология вышла к идее фальсификации, но, понимая развитие науки как ее движение исключительно «снизу вверх» с помощью обнаружения и решения очередных «головоломок» (Т. Кун), которые она сама же и производит, не смогла объяснить центральное звено, обеспечивающее самодвижение науки. Проблему усугубляет и то, что

саморазвитие науки почему-то непременно оборачивается ее усложнением.

С тем, что кумулятивный прирост (знаний, теорий, подходов) и есть прогресс науки, эпистемология не могла согласиться уже в середине прошлого века, однако она оказалась неспособной предложить другое понимание. Именно поэтому важно разобраться, почему научная практика развивается именно так, что научная теория начинает опровергать свои собственные устои, но при этом такая фальсификация оказывается еще и движущей силой перехода теории на более высокий уровень системного определения изучаемой реальности. Необходим анализ того, каким образом прогресс науки связан с (закономерным!) усложнением ее системной организации, обуславливающим столь же закономерную смену используемых ею идеалов рациональности.

О критериях различения неклассической и постнеклассической науки

В.С. Степин, первым дифференцировавший три типа рациональности — классическую, неклассическую и постнеклассическую, — пишет: «Я хотел бы особо обратить внимание на ключевой признак этой типологии — коррелятивную связь между типом системных объектов и соответствующими характеристиками познающего субъекта, который может осваивать объект» ([Электронный ресурс]). Далее автор указывает, что классическая, неклассическая, постнеклассическая наука предполагают различные типы рефлексии над деятельностью: от элиминации из процедур объяснения всего, что не относится к объекту (классика) к осмыслению соотношенности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций деятельности (неклассика) до осмысления ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности. «Важно, что каждый из этих уровней рефлексии и стратегий коррелятивен системным особенностям исследуемых объектов и выступает условием их эффективного освоения (*простых систем как доминирующих объектов в классической науке, сложных саморегулирующихся систем — в неклассической, сложных саморазвивающихся — в постнеклассической*)» (там же; курсив мой. — В.К.).

В связи с этим заметим, что саморазвитие характерно только для открытых систем, в силу чего способом их существования является закономерное усложнение системной организации. Поэтому синергетики предпочитают использовать по отношению к открытым системам не понятие «развитие», а термин «становление», который лучше схватывает явление увеличения сложности открытой системы в процессе ее функционирования во времени. Это

обусловлено тем, что становление — не *рядовой*, а *родовой* признак открытой системы, т.е. за ним стоят способ и механизм ее устойчивого существования как самоорганизующейся системы.

Психологи еще не обрели способность смотреть на науку как на открытую систему, закономерно усложняющуюся в своем становлении, последовательно наращивающую уровень системного определения собственного предмета. Поэтому одной из центральных методологических проблем сегодня стала проблема парадигмального статуса психологии, причем обсуждаются три основные позиции: психология является *до-*, *мульти-*, *внепарадигмальной* научной дисциплиной. «В психологическом сообществе доминирует вторая позиция», — пишет А.В. Юревич (2008, с. 3). Иными словами, в глазах профессионального сообщества собственная наука предстает в качестве «обреченной на сосуществование разных парадигм, а значит и принципиально различных вариантов понимания психического, подходов к его изучению, способов производства знаний, критериев его верификации и т.д.» (там же). Из этого положения вытекает достаточно много следствий, имеющих существенное значение для профессионального самоопределения психологов, осознания ими тенденций движения психологического познания и своего места в нем, а также все проблемы «мирного сосуществования» внутри психологического сообщества представителей разных парадигм. При этом, как бы ни напоминала наша *мультипарадигмальная* наука дезинтегрированную совокупность локальных островов психологического знания, каждый из которых возникает на базе своей («равноправной» другим) парадигме, она все-таки представляет собой архипелаг, дрейфующий достаточно упорядоченно и даже направленно. Иначе вообще теряет смысл различение классических, неклассических, постнеклассических парадигмальных установок, последовательно сменяющих друг друга.

Открытие механизмов смены установок, «призм видения», выявление «зон перекрытия» в межпарадигмальных переходах, истоки зарождения новых парадигмальных устоев в пространстве устоявшихся методологических принципов и подходов — вот что может дать анализ процесса становления теории, оказавшейся способной последовательно ассимилировать указанные идеалы рациональности. Необходимо только учесть, что такой анализ должен быть адекватным поставленной задаче, т.е. это должен быть *постнеклассический взгляд на историю психологии*, понимающий ее как процесс прогрессивного усложнения науки, понятой в качестве открытой системы. И такой же взгляд на человека, понимаемого в качестве предмета психологического исследования. Здесь не поможет ни ретроспективный (хронологический) анализ, принятый

в классической науке, ни перспективный анализ развития (в форме «психологического преформизма»), который использовала неклассическая наука, приходя к идее самоактуализации как развертывания изначально predetermined форм. Иными словами, для реконструкции тенденций развития науки, выявления процесса прогрессивного роста научного знания, перерождения форм и стилей научного мышления, закономерных преобразований предмета науки в процессе ее саморазвития не хватает традиционно сложившихся средств историко-психологического познания. Поэтому необходимо отдельно остановиться на транспективном анализе, с помощью которого можно если и не решить, то хотя бы поставить некоторые из указанных задач.

Транспективный анализ: методологический экскурс

Я рассматриваю транспективный анализ как метод познания, адекватный для постнеклассической науки, полагая при этом, что его разработка демонстрирует тот факт, что эволюция познания рано или поздно приведет к созданию инструментов, необходимых для познания закономерностей самой эволюции. Одним из таких инструментов и является транспективный анализ (Клочко, 2005). Его конкретная вариация — историко-системный подход, некоторые возможности которого (как формы транспективного анализа истории науки) раскрывают диссертации Д.Ю. Баланева (1999), В.Ю. Долженко (2001), А.В. Клочко (2001), Н.А. Никоновой (2004), Е.В. Некрасовой (2005) и др.

В транспективном анализе историческим временем становящейся системы необходимо считать не прошлое, будущее или настоящее, а перекрывающий эти времена процесс превращения поливариативного будущего в моновариативное прошлое. В транспекции этот процесс неотрывен от процесса превращения поливозможностного пространства (среды) в пространство собственного становления системы. Основы транспективного анализа закладывались теми, кто раньше других смог выйти за пределы устоявшихся схем понимания и объяснения, диктуемых классической рациональностью.

Только открытые системы способны удерживать внутренний порядок за счет отбора из окружающей среды исключительно того, что способно этот порядок обеспечить. Усложняясь в каждом акте взаимодействия за счет принятия в себя «своего иного», переструктурируясь, системы наращивают уровень своей системной организации и потому живут до тех пор, пока могут усложняться. Эти системы должны иметь свои собственные инструменты отбора из среды того, что им действительно нужно. Можно полагать, что чем

сложнее система, тем сложнее ее аппарат отбора. Транспективный анализ призван показать и то, как эволюционируют открытые системы, и то, как эволюционируют (усложняются) присущие им органы избирательного взаимодействия со средой. Для науки такой средой является культура, включающая и другие науки, религию, устоявшиеся и становящиеся картины мира, апробированные и только апробируемые формы мышления и т.д.

Что же является собой механизм избирательного взаимодействия науки со средой (культурой)? Как можно представить «орган отбора», когда речь идет о науке? Этот «орган» представлен учеными, способными работать «на границе» взаимодействия науки с околонучной средой. Такие ученые хорошо чувствуют тенденции развития науки и способны вырваться за пределы методологически ограниченного знания, т.е. «заглянуть» за границу классической теории. Иногда с помощью самой классической теории, как это было с Н. Бором в период разработки им принципа соответствия, иногда с помощью тех идей, которые уже существуют в общей культуре научного мышления, но еще не воспринимаются конкретной наукой в качестве того, что соответствует ее актуальным запросам. Так было с Л.С. Выготским, и именно это позволило ему стать «классиком постнеклассической психологии». Этот вопрос мы более детально обсудим ниже.

Постнеклассические предпосылки СТМ

Какие силы обеспечили переход СТМ от понимания психического в контексте парадигмы отражения объективной реальности к его пониманию в свете парадигмы порождения многомерной реальности? В 1992 г. О.К. Тихомиров (в рецензии на статью Е.А. Климова) писал: «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как “отражении” реальности, второй — в разработке представлений о психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь» (Тихомиров, 1992, с. 60). О.К. Тихомиров заявил об этом, когда «второй путь» уже был в значительной степени пройден и им самим, и ведомой им научной школой. В контексте новой парадигмы можно было объяснить, каким образом (и какой ценой!) человек обретает возможность действовать, понимая смысл и ценность своих действий. Однако это объяснение еще не могло быть адекватно принято научным сообществом: до сих пор жива «гносеологическая метафора», опирающаяся на столь «самоочевидную» дихотомию Духа и Материи и столь же «самоочевидные» дуальные конструкции (субъективная реальность/объективная реальность, внут-

реннее/внешнее, психическое/физическое и т.д.). Тем более значимой задачей является выяснение того, каким же образом конкретная теория демонстрирует возможности саморазвития, т.е. реализует ту самую последовательность в смене основных «формаций научного мышления», его «стилей и структур», о существовании которой догадывался в свое время М.Г. Ярошевский (1981).

Хочу заметить, что нам, разработчикам СТМ (я «поступил» в школу Тихомирова в 1971 г.), было легче, поскольку наши великие предшественники (прежде всего Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев) постнеклассическую парадигму уже освоили в первом приближении, хотя ни они сами, ни мы, их ученики, об этом просто не догадывались. Не догадываются об этом и современные методологи: вся линия, берущая начало от Л.С. Выготского, включая и А.Н. Леонтьева, и О.К. Тихомирова, и, видимо, всех их последователей, сегодня уже достаточно прочно прописана по ведомству неклассической науки.

Исключение составляет В.П. Зинченко, который пишет, что «с точки зрения бытующих ныне характеристик постнеклассической науки, подчеркивающих ее междисциплинарность при конструировании моделей, в которых синтезируются изыскания из разных областей знания, *Л.С. Выготский был классиком постнеклассической науки*» (Зинченко, 2006, с. 102; курсив мой. — В.К.). Я думаю, что «классиком постнеклассической науки» Выготского делает еще и то, что он взял на себя труд занять в науке такое «неуютное» место, где новое понимание еще только нарождается в виде «смутного», по определению самого Л.С. Выготского, знания. Место, где обнаруживаются «молекулярные изменения, которые переживает наука... внутренние и не оформившиеся процессы — тенденции развития, реформы и роста» (Выготский, 1982, с. 356—357). «Может быть, мы сумеем прочесть в них настоящую и будущую судьбу науки» (там же). Именно поэтому Л.С. Выготский сумел прийти к пониманию психического в контексте самоорганизации человека.

В работе «Сознание как проблема психологии поведения» (1925) Л.С. Выготский пишет, что «работа каждого органа... не есть нечто статичное, но есть только функция от общего состояния организма. Нервная система работает как одно целое — эта формула Шеррингтона должна быть положена в основу учения о структуре поведения» (1982, с. 81)¹. В этой работе хорошо видно, как движется мысль Л.С. Выготского к основным принципам самоорганизации.

¹ Здесь необходимо сказать, что именно Ч. Шеррингтон ввел в научный оборот понятие «синергия», и основатели общей теории самоорганизации (синергетики) об этом помнят (Хакен, 2001).

Он приходит, с одной стороны, к идее ограничения и избирательности взаимодействия системы со средой (идея «воронки», к которой ученый возвращается неоднократно), а с другой — к формулированию одной из основных идей современной теории самоорганизации о слабом взаимодействии, способном определить дальнейшее развитие системы, приближающейся к точке бифуркации. У Л.С. Выготского это выглядит так: «Легко можно себе представить, как незначительные сами по себе реакции, даже малоприметные, могут оказаться руководящими в зависимости от конъюнктуры в том “пункте коллизии”, в который они вступают» (там же, с. 87). К идее психики как «воронки», через которую «гераклитов поток», этот хаос внешнего, упорядочивается и ограничивается, он вновь вернется через два года в работе «Исторический смысл психологического кризиса», где напишет, что «психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль — не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма» (там же, с. 347).

Так рождается идея избирательного обмена человека со средой, идея самоотбора. Человек не просто живет в среде, обмениваясь с ней информацией, веществом и энергией, как это подобает любой открытой системе. Он не просто меняет среду, возвращая в нее переработанное, а на базе бесконечной по своим возможностям и потому аморфной, безразличной «среды» создает свой многомерный мир. Назначение психики, ее миссию Л.С. Выготский видел в том, что она призвана не отражать, а «субъективно исказить» объективную реальность в пользу человека. Что это, как не реальный выход к процессу порождения многомерной реальности, не создав которую «невозможно действовать»? Еще через два года в «Конкретной психологии человека» (1929) он скажет: «Есть переходные формы, а между духом и материей их нет...» (Выготский, 1986, с. 60) — и предложит свой вариант со-бытия Материи и Духа. Все эти идеи Л.С. Выготского, намечающие пути выхода науки в сферу постнеклассической рациональности, не будут должным образом «считаны» в психологии. Происходит то, что и должно происходить: нормативы классического и неклассического мышления накладываются на все творчество «постнеклассика», естественным образом считывая в нем только то, что соответствует приложенным меркам. До сих пор то Л.С. Выготского причисляют к тем, кто творчески развивал идеи классика психологии И.П. Сеченова, то Се-

ченое становится вдруг постнеклассиком, а Выготский, наоборот, неклассиком (Мясоед, 2004).

Действительно, Л.С. Выготский нигде прямо не писал о самоорганизации человека как системы, но он пользовался вполне приемлемым аналогом: «целостный человек». Главное ведь заключается не в том, чтобы отметить указанное различие, а в том, что «без человека *как целого* нельзя объяснить деятельность его аппарата (мозга), что *человек управляет мозгом, а не мозг человеком* (социо!), что без человека нельзя понять его поведение, что психологию нельзя излагать в понятиях процесса, но драмы» (1986, с. 62; курсив Выготского. — В.К.). Только сегодня к психологам по-настоящему приходит осознание того, что предметом науки до сих пор являлась только часть целостного человека (психика), которая практически еще не изучена в ее взаимоотношениях со своим целым. Иными словами, только сегодня в полной мере наступает осознание того, что мы пытаемся угадать, пользуясь образами Л.С. Выготского, миссию «телефонного аппарата», изучая сам аппарат, т.е. вовсе не имея в виду миссию «телефонистки» (человека). «Нельзя аналогизировать все поведение с деятельностью аппарата. Но аппарат + человек...» (там же, с. 63).

Становление СТМ: механизмы парадигмального сдвига

Итак, пытаясь проследить конкретные механизмы и условия выхода теории О.К. Тихомирова на постнеклассическую парадигму, на новое понимание роли (миссии) психического как порождения новой реальности, необходимо учитывать преемственную связь зарождавшейся СТМ с постнеклассическими идеями Л.С. Выготского. В статье «Принцип избирательности в мышлении» (Тихомиров, 1965) высказывается идея, что сущность селективных процессов в мышлении связана со *смысловой организацией ситуации*. Кажется бы, речь идет об одном из многих принципов, на которых стоит все здание научной психологии, но на самом деле это было очень точное попадание в самую сердцевину фундаментальной психологической проблемы, связанной с определением сущности и предназначения психического. По Л.С. Выготскому, «вся психика построена по типу инструмента, который выбирает, изолирует отдельные черты явлений» (1982, с. 347). Усилию: «вся психика» представляет собой «орган отбора, решето, процеживающее мир». Дело, следовательно, в том, что человеку, которому удалось бы понять, как работает механизм избирательности психического отражения, на самом деле предварительно нужно было бы решить для себя проблему целостного (системного) представления о психическом как таковом, включая и структурно-функциональный аспект.

Если не смотреть транспективно на эволюцию мышления создателя СТМ, которое трансформировалось и под влиянием того, что открывалось в самой теории по мере ее становления, то останется полной загадкой, каким образом он пришел к своей (вышеуказанной) максиме. Безусловно, особую роль сыграла разработка в научной школе метода синхронной регистрации КГР и содержательного состава разворачивающейся деятельности. Этот метод позволял непосредственно изучать динамику становления неформальной (ценностно-смысловой) структуры ситуации. С его помощью проверялась гипотеза Л.С. Выготского о единстве аффекта и интеллекта, и это единство открылось весьма специфично: результаты экспериментов говорили о том, что аффект (эмоция) опережает гностику (отражение), отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи. Эмоции указывали на смыслы, а те оказывались одной из характеристик элементов, составляющих формально-логическую структуру ситуации. «Изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта», — писал А.Н. Леонтьев (1994, с. 170). Эксперименты показывали, что изменение субъекта (порождение новых мотивов, целей, актуализация поисковых, познавательных потребностей) тут же оборачивается изменением ценностно-смысловой структуры ситуации. И это совершенно не укладывалось в объяснительные схемы парадигмы саморегуляции мышления, на которую вполне в духе неклассицизма опиралась тогда зарождающаяся СТМ.

Сегодня я могу утверждать, что в то время мы фактически выходили за пределы «дискретной психологии» к «психологии поля», вовсе не зная об этом. Мы столкнулись с фактами, указывавшими на мир человека, но не как на «пространство для жизни», а как на многомерное пространство жизни, в организации которого особая роль принадлежала смыслам и ценностям. Психика стала обретать свою пространственную, полевую локализацию. В связи с этим требовался другой принцип понимания и объяснения.

Если транспективно посмотреть на процесс восхождения СТМ к постнеклассицизму, то можно увидеть, что оно не было линейным процессом. Реальное «перерождение научной ткани» происходило в борьбе различных форм и уровней мышления как внутри конкретного исследователя, так и во взаимодействии представителей научной школы; оно шло через забегания вперед и регрессии, через попытки сочетания предустановленного с вновь обнаруживаемым. Постнеклассическая по своему масштабу мысль оказывалась погруженной в систему мышления неклассического (и даже

классического) уровня и стремилась пробиться к субъекту мышления, а он иногда делал все, чтобы удержаться в рамках исходной парадигмы.

Постепенно становилось понятным, что эмоции не являются рядовым «регулятором» мыслительной деятельности. В 1980 г. мы с О.К. Тихомировым опубликовали в «Вопросах психологии» статью, в которой обсуждалась гипотеза о координирующей функции эмоций. В этой работе (Тихомиров, Клочко, 1980) явно проглядывает желание авторов сохранить старые позиции (отражение, регуляция, саморегуляция и т.д.) и при этом уже намечается неосознанное пока движение к пониманию психического как необходимого условия, обеспечивающего самоорганизацию человека. Координация и есть согласование деятельности, личности, сознания и ситуации деятельности в единый целенаправленно функционирующий ансамбль.

Начиная экспериментальную программу по изучению «свободной инициации мышления» в 1971 г., никто и не предполагал, что исследование регулирующей роли эмоций в мыслительной деятельности выведет нас к проблемам координации. И уж совершенно точно мы не думали, что попадаем в самую сердцевину всех современных концептуальных моделей самоорганизации. «Центральной темой в синергетике следует считать координацию действий отдельных частей с помощью параметров порядка и принципа подчинения», — пишет основатель синергетики Г. Хакен (2001, с. 9).

Без привлечения понятия «координация» невозможно было объяснить, как и для чего возникает это особое состояние, когда человек вдруг открывает в пространстве тривиальной деятельности, задаваемой инструкцией (иногда даже сулящей «награду»), возможность организации творческой (мыслительной) деятельности и организует ее — инициативно, вполне бескорыстно и «апраклично», если иметь в виду упущенные внешние «выгоды».

Конечно, это было поразительно: как будто вместе с обнаружением пространства, в котором открывалась возможность свободного действия, просыпалась некая сила, толкающая человека к «сверхадаптивному», «наднормативному», «надситуативному» поведению, единственным стимулом для которого было переживание самого движения — именно «вперед и выше», но именно «здесь и теперь». При этом невозможно было выявить источник побуждения к свободному действию. Его мотивацию нельзя было локализовать ни на полюсе «внешнего», ни на полюсе «внутреннего», ни в самой деятельности. Источники мотивации были «везде и нигде». Позднее стало понятно, что мы столкнулись с *системной детерминацией*, которая отнюдь не сводится к системе детерминато-

ров, а представляет собой характерную особенность открытых саморазвивающихся систем, способом существования которых является закономерное усложнение их системной организации. В этом «вперед и выше» заложен громадный смысл, ибо «назад и ниже» для саморазвивающихся систем равнозначно деструкции и гибели. И это справедливо как по отношению к человеку, так и по отношению к науке, представляющей собой особым образом организованную совместную мыслительную деятельность.

Однако все это стало понятным позже, а тогда мы столкнулись с тем, что эксперименты поставляли «странные» результаты, объяснить которые, оставаясь в рамках представлений о мышлении как *саморегулирующейся* деятельности, было невозможно. Исследование процессов смыслообразования в мыслительной деятельности как ее внутренних регуляторов показывало, что нет никакого процесса образования смыслов как того, чем специально занимается мыслящий человек. *Смыслы возникали сами*. Никто из нас тогда не думал, что мы напрямую столкнулись с продуктами *самоорганизации*, которые порождались в деятельности, но не самой деятельностью непосредственно. Они не порождались личностью, хотя мы по инерции называли их личностными смыслами. Наконец, они не порождались сознанием, поскольку оно само шло за ними: в поле ясного сознания всегда попадало только то, что имело смысл. Более того, они дислоцировались на предметах, составляющих объективные условия деятельности, выступая как их особые сверхчувственные качества, считываемые эмоциями.

Эксперименты показывали, что в каждом акте взаимодействия человек отражает объект и себя самого (свое отношение), особым образом представленное в объекте. На каждое изменение состояния человека окружающая его среда, которую сам человек воспринимал как нечто объективное и внеположенное, отвечала изменением ценностно-смысловой структуры, которая, будучи сверхчувственной, самим же человеком и не осознавалась. Но результаты исследований с использованием метода синхронной регистрации КГР и содержательного состава разворачивающейся деятельности показывали, что «объективная среда» приспособляется к человеку ничуть не меньше, чем он к ней.

Как все это можно было изложить, оставаясь в парадигме саморегуляции? Приведу цитату из собственной книги двадцатилетней давности: «Выход из противоречия представляется следующим образом. Привести в движение все психологические категории внутри одного предмета исследования. Иными словами, выделить более широкую систему, по отношению к которой все выделенные системы (имеются в виду деятельность, личность, психика и ситуа-

ция, в которой человек действует. — В.К.) оказались бы взаимосвязанными и взаимопереходящими внутренними подсистемами. Такую систему мы далее будем называть психологической. *Именно эта система и может быть понята как саморегулирующаяся, способная к тому же не только к саморегуляции, но и к самоорганизации, и не только к самоорганизации, но и к саморазвитию»* (Клочко, 1987, с. 11—12)².

Интересно, что в эпистемологии связь между неклассицизмом и постнеклассицизмом как разными схемами познания, предметом исследования в которых являются сложные саморегулирующиеся и сложные саморазвивающиеся системы, будет объективирована несколько лет спустя. Следовательно, не это знание подсказывало направление исследовательской мысли. В рамках нескольких специальных проектов, осуществленных в опоре на транспективный анализ, мы попытались выявить, какое влияние на это движение оказывала борьба с кибернетическим редукционизмом, как преодоление «гносеологической метафоры» выводило к многомерным жизненным пространствам, как менялся категориальный аппарат смысловой теории мышления, фиксируя этот подъем «по этажам» системности (Баланев, 1999; Ваулина, 2005; Скорлупина, 2006). В нескольких последних публикациях я попытался дать свои ответы на вопросы о закономерностях движения психологического познания (Клочко, 2007а, б, в).

Обобщая анализ процесса становления СТМ О.К. Тихомирова, можно предложить следующую модель выхода теории на новые этажи системного определения своего предмета.

Эмпирически выявив феномен, научная мысль скоро убеждается в том, что выделенный в качестве объекта изучения «фрагмент реальности» начинает ускользать от исследования. Ускользает именно его сущность, истинная природа, обусловленная тем, что он является частью более сложной системы, с которой он связан функционально, иерархически и субординационно. Выход за пределы устоявшегося предметного поля, очерченного наукой на данной стадии ее движения, становится неизбежным в том случае, когда это предметное поле перекрывается проблемным полем. Возникновение этого «перекрытия» обусловлено ограниченностью объяснительных схем, заявленных методом, определившим содержание и конфигурацию предметного поля. Иными словами, *нельзя* отменить детерминацию, идущую сверху, от самого факта наличия более сложной,

² Позднее на базе этого понимания возникла теория самоорганизующихся психологических систем (ТПС), которую с некоторых пор я предпочитаю называть «системной антропологической психологией».

но пока неведомой системы, по отношению к которой изучаемая система сама является не более чем подсистемой. Именно поэтому проблемное поле науки неизбежно перекрывает, пусть и не сразу, предметное поле. Происходит это потому, что отдельные исследователи, сталкиваясь с эффектами указанной «детерминации сверху», рано или поздно начинают оценивать их уже не как очередные «головоломки», закономерно возникающие в процессе «спокойного» развития науки («снизу вверх», «из прошлого в будущее»), а пытаются обнаружить их истинное происхождение, поднимаясь к теории более высокого системного уровня. *Теория вынужденно фальсифицирует себя, производя факты, объяснение которых требует выхода в теоретическую систему более высокого уровня.*

Чем заметней приближается наука к исследованию человеческих миров, констатации многомерности жизненных пространств, ценностно-смысловой развертке реального бытия людей, тем ясней проступает методологическая значимость идей, которые выдвигал и разрабатывал О.К. Тихомиров. Собственно, уже это не позволяет говорить о смысловой теории мышления в прошедшем времени: несмотря на то что идеи, реализованные в научной школе Тихомирова, обрели новую жизнь и вышли за рамки психологии мышления, они продолжают работать, хотя все менее опознаются в своем первородном по отношению к новым рамкам качестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баланев Д.Ю. Кибернетический редукционизм в психологии в контексте историко-системного подхода: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 1999.

Ваулина Т.А. Типы профессионально-психологического мышления: исторический и общепсихологический анализ: Автореф. дис. ... канд психол. наук. Барнаул, 2005.

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1.

Долженко В.Ю. Становление категории «смысл» как проблема историко-психологического исследования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001.

Зинченко В.П. Живые метафоры смысла // Вопр. психол. 2006. № 5.

Клочко А.В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2001.

Клочко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда, 1987.

Клочко В.Е. Контуры постнеклассической парадигмы в творчестве О.К. Тихомирова // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления (к 70-летию со дня рождения): Тез. докл. на научной конференции (22–23 мая 2003 г., Москва) / Отв. ред. В.В. Знаков, Т.В. Корнилова. М., 2003.

Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск, 2005.

Клочко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // *Методол. и история психол.* 2007а. № 3.

Клочко В.Е. От саморегуляции личности к самоорганизации человека: системные основания парадигмального сдвига в научной психологии // *Субъект и личность в психологии саморегуляции* / Под ред. В.И. Моросановой. М.; Ставрополь, 2007б.

Клочко В.Е. Постнеклассическая наука и проблема объяснения в психологии // *Труды Ярославского методологического семинара. Т. 4.* Ярославль, 2007в.

Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // *Философия науки.* Вып. 3. Проблемы анализа знания / Под ред. М.А. Розова. М., 1997.

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. М., 1994.

Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // *Вопр. психол.* 2004. № 6.

Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Барнаул, 2005.

Никонова Н.А. Историко-системный анализ становления психологических представлений об уровневой природе сознания: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004.

Скорлупина О.А. Онтологизация психологического познания и ее проявление в этапах становления научной теории (на предмете смысловой теории мышления О.К. Тихомирова): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2006.

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. [Электронный ресурс]. http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml

Тихомиров О.К. Принцип избирательности в мышлении // *Вопр. психол.* 1965. № 6.

Тихомиров О.К., Клочко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // *Вопр. психол.* 1980. № 5.

Тихомиров О.К. Замечания рецензента // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 1992. № 1.

Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М., 2001.

Юревич А.В. Перспективы парадигмального синтеза // *Вопр. психол.* 2008. № 1.

Ярошевский М.Г. К истории форм психологического познания // *Вопр. психол.* 1981. № 3.

Popper K. An evolutionary epistemology // *Evolutionary theory: Paths into the future* / Ed. by J.W. Pollard. Chichester, UK; N.Y., 1984.